

Маргарита Синкевич: Юрий Вильямович, ваша повесть «Коридор» (2015 г.) начинается с порнографического рассказа писателя Н. Геллера. Признаться, весьма неожиданное начало. Расскажите, как вы решились на такой эксперимент и с какой целью?

Юрий Козлов: Это повесть о «коридоре», по которому наше общество вышло сначала к перестройке, а затем к той жизни, какой мы живем сегодня. Тема интересная, потому что у каждого человека был свой персональный «коридор». Герой повести – молодой писатель, работающий в популярном журнале. Он – типичный представитель «застойного» поколения, убежденного, что «так жить нельзя». Порнография – признак болезни социума, что-то вроде сыпи, свидетельствующей о серьезном сбое в общественном организме. Можно воспринимать сюжет этой повести, как веселый «карнавальный» эпизод в духе Бахтина, но беда в том, что часто подобные «карнавалы» оборачиваются деградацией и социальными катаклизмами. Собственно, сегодняшнее ТВ – единственный в стране канал связи между властью и обществом – работает в «карнавальном» режиме. Это особенно заметно по политическим ток-шоу, где у каждого участника своя роль. Все это – порнография, но другого уровня.

М. С.: В этом же произведении вы так характеризуете трансформацию читателя конца XX – начала XXI века: «Никому не будет ни малейшего дела до ваших писаний. Это сейчас вы в заповеднике, где на каждом шагу кормушки, а потом всех вас, кстати, вместе с читателями, выгонят в лес. Тамто, в первозданном лесу, и узнаете, что народу плевать на Толстого с Достоевским, а вот на Олялина, девчонку и огурец – нет!» В повести «Белая буква» вы даете еще более жесткую оценку современному читателю: «Словесное стадо двигалось динозавровым путем к концу времен, подсвечивая дорогу светящимся маячком айфона». Все действительно так плохо?

Ю. К.: Здесь речь идет о «рыночном» подходе к литературе, о сознательном оглушении так называемого массового читателя. Коммерческая

развлекательная литература неизбежно скатывается в комикс. Сейчас, кстати, уже появились теоретики и пропагандисты этого жанра. Литературу можно сравнить со школой. Детей не рекомендуется оставлять одних в классе без учителя. Так и народ нельзя оставлять без серьезной литературы. Роль завуча обычно выполняет государство, заинтересованное в том, чтобы книги сеяли «разумное, доброе, вечное». Массовый читатель должен ненавязчиво понуждаться к осмысленному чтению. Если нет – он будет читать разную, щекочущую нервы и первичные инстинкты дрянь.

М. С.: В этом контексте очень печально предстает судьба писателя. Последнюю вашу повесть пронизывает ощущение ненужности, одиночества, ничтожности писателя XXI века. Вы чувствуете, что жизнь отдана, говоря словами Александра Казинцева, «безнадежному делу»?

Ю. К.: Все правильное, истинное и талантливое часто до поры воспринимается обществом как «безнадежное дело». Но потом все становится на свои места. Пророков и подвижников во все времена в худшем случае побивали камнями, в лучшем – не замечали, замалчивали. Настоящий писатель пишет, не думая о гонорах и славе. Он сомневается прежде всего в самом себе, в своем понимании истины, в своем праве выносить те или иные суждения. Это и есть горькая самодостаточность творчества. Оно не может быть «безнадежным делом», потому что в основе его как раз и лежит надежда.

М. С.: В выступлении на Лихоносовских чтениях в Краснодаре вы говорили о потере связи между литературой и читателем и соотнесли эту проблему с потерей русских национальных традиций: «Встроившись на ходу в “мировой порядок”, страна осталась без национальных традиций и, соответственно, без большой литературы. Сегодняшняя российская культура – это малопривлекательная тень не лучших образцов культуры западной». Более того, вы говорили, что многие популярные писатели: Пелевин, Сорокин, Быков – «работают на отрицании традиции, используют метод “негативного катарси-

са»». Сегодня выгодно и модно ломать традицию, уничтожать ее? Почему?

Ю. К.: Традиция в литературе – понятие сложное. Есть традиция Толстого, традиция Достоевского, а есть – Сологуба, Арцыбашева, Чапыгина. Я бы определил многие современные сочинения, как насилие над русской литературной традицией. Это и мат, и описание разного рода психических патологий, и умышленное «расчеловечивание» героев. Традиция – это не фабула, не сюжет, не стиль. Здесь возможны любые «поиски жанра». Традиция – это «принятие за основу» в творчестве простого набора евангельских истин, природного, скажем так, человеческого понимания добра и зла. У рыночной, коммерческой, премиальной литературы одна задача – быть проданной. Поэтому читатель «разогревается» разного рода шокирующими откровениями: что вместо Христа на кресте умер Иуда, что Сталин был женщиной, что Ахматова была пьяницей и нимфоманкой и так далее. Во многих странах такая литература не считается художественной. В России сегодня «властителем дум», «лучшим писателем XXI века» можно объявить автора, пишущего под псевдонимом «Фигль-мигль».

М. С.: Правильно ли я поняла, что вы сегодня не чувствуете своего читателя?

Ю. К.: Мой читатель ушел в подполье. Он, как и я, сторонится глупой и неуместной публичности – в «Фейсбуке», на форумах, в прочих социальных сетях. Хемингуэй говорил, что если у писателя обнаруживается хотя бы один читатель, значит, он пишет не зря. Выскажу крамольную мысль: умных, понимающих читателей в России много. Но они молчат – потому что уровень профессионального обсуждения серьезной литературы в современной критике предельно низок. Талантливых же, а главное, самостоятельных, не следующих установленному «табелю о рангах» (Улицкая, Быков, Дина Рубина, Гузель Яхина) критиков точно так же, как и тех, о ком они пишут, загоняют в подполье.

М. С.: А когда вы писали свои первые произведения, ситуация была иной? Что вы испытали по-

сле публикации романа «Изобретение велосипеда»? Какова была реакция читателя?

Ю. К.: Я тогда работал в журнале «Юность», и роман «Изобретение велосипеда» должен был появиться там. Он очень понравился главному редактору Борису Полевому. Но нашлись в редакции люди, рассудившие, что рано мне становится известным и знаменитым. Публикация в «Юности» не состоялась. Роман непонятным образом попал на «Би-би-си», где его читали несколько дней подряд. Это некоторым образом осложнило мою жизнь: я стал «невъездным» в капиталистические страны. Очень мягкое по тем временам наказание. Роман тем не менее вышел в издательстве «Молодая гвардия», и я даже получил за него премию. Книга имела успех, хотя, конечно, не такой, как если бы роман был опубликован в «Юности».

Главное отличие того времени от нынешнего – в соблюдении определенного баланса между условно «либеральным» и условно «патриотическим» литературными лагерями. Сейчас он грубейшим образом нарушен. Одним – все. Другим – подполье.

М. С.: Думаю, современным школьникам было бы интересно и полезно прочитать «Изобретение велосипеда» – высокохудожественное произведение о жизни десятиклассников конца шестидесятых годов. Вы тогда осознали себя писателем или это произошло раньше?

Ю. К.: Этот роман многократно переиздавался, был переведен на пять языков. Последнее по времени издание вышло в издательстве «ОЛМА Медиа Групп» в 2011 году. Я не помню, сознавал ли я себя в то время писателем. Я много лет работал журналистом – грань между писательством и журналистикой тонкая. Мой отец – известный детский писатель Вильям Козлов. Я видел и понимал, как делается литература. Я знал, что так или иначе буду иметь дело со словом. К тому же в советское время существовала отлаженная система поддержки молодых авторов. Меня довольно быстро приняли в Союз писателей, и до начала 90-х годов я пользовался всеми благами и при-

вилегиями, полагающимися членам творческих союзов.

М. С.: Тридцать шесть лет разделяют классический роман «Изобретение велосипеда» и мистико-фантастический роман «Враждебный портной». Суть избранного вами жанра, возможно, поясняет главный герой повести «Коридор»: «Настоящее литературное произведение <...> должно было быть чем-то вроде голограммы, содержащей не только линейное, но и объемное, то есть вероятностное, а еще точнее — любое, какое только могло прийти в голову читателя изображение. Писать так, чтобы читатель входил в голограмму, как в некое святилище, в новый, пленяющий его душу мир, — вот в чем, по мнению Никиты, заключался высший смысл литературы». Как вы пришли к роману-голограмме или, как пишут в Википедии, «интеллектуальному роману», философскому и футурологическому триллеру? И насколько точны все эти определения того жанра, в котором вы работаете?

Ю. В.: Любой хороший роман не может не быть интеллектуальным. Просто это проявляется по-разному. Я сознаю, что часто мысль у меня превалирует над фабулой, сюжетом и занимательностью. С другой стороны, мне кажется, что мысль — это самое ценное, что есть в литературе. Мысль — это лабиринт, сквозь который надо пройти, чтобы выйти к цели. Если читатель включается в «игру», он идет за автором, и ему все понятно. Более того, он испытывает наслаждение от чтения, получает массу позитивных эмоций. Если не включается — откладывает книгу в сторону. Я не лущу себя надеждой, что мои романы читатели рвут друг у друга из рук. Но определенный круг есть, это выясняется на встречах в библиотеках, презентациях, в отзывах в Сети. Что же касается жанра, то я сторонник классических определений: рассказ, повесть, роман.

М. С.: Юрий Вильямович, в своих размышлениях вы доходите до крамольной мысли о ненужности «зрителя» для настоящего творца: «Писатель достигает высшей свободы самовыражения не тогда, когда его книги никому не нужны, а когда ему некогда дать прочитать только что законченное произве-

дение!» Поясните, пожалуйста, ваши слова.

Ю. К.: Здесь как раз и содержится намек на право писателя высказаться «до дна», не оглядываясь на то, как к этому отнесется читатель. Я исхожу из того, что каждый (или почти каждый) человек несовершенен. Предельное самовыражение писателя можно сравнить с броском в омут без гарантии выплыть. Самые великие литературные произведения именно так и создаются: автор идет по лезвию, не зная, потрясет он мир или уйдет в отстой. Творчество — это не только труд, но и риск, потеря.

М. С.: Кому первому вы даете прочитать ваши произведения? Чье мнение для вас самое авторитетное?

Ю. К.: Не могу сказать, что вокруг много охотников, готовых немедленно начать читать что-то мною написанное. Я стараюсь не принуждать к этому никого, понимая, что у всех немало собственных дел. Но такие люди все же есть. Моя дочь Анна (сегодня она, пожалуй, более известная писательница, чем отец) охотно и быстро читает мои новые труды. И оценивает их по новым, непривычным для меня меркам и критериям. Мне всегда интересно ее мнение. А журнальным и издательским людям приходится это читать по служебной необходимости.

М. С.: В 90-е вы обратились к публицистике, печатались в центральных СМИ, были начальником отдела в пресс-службе Государственной Думы, а с 2005 по 2011 год занимали должность начальника Управления пресс-службы Совета Федерации. Чем вызваны такие шаги? Что дал вам этот опыт?

Ю. К.: Публицистика типа «не могу молчать» для любого писателя — вещь естественная. Нет смысла пренебрегать возможностью оперативно высказать свое мнение по волнующим общество вопросам. Я работал много лет в Государственной Думе и в Совете Федерации. Не скажу, что я туда стремился всей душой. Вообще «не рвусь я грудью в капитаны и не ползу в ассессора». Но так легла жизненная карта. Опыт работы в органах государственной власти был для меня очень интересным и познавательным. Чиновничья среда — это кан-

товская «вещь в себе». В Думе, в Совете Федерации, к примеру, мало кто знал, что я пишу книги. Редко встречались мне и чиновники, тратившие время на чтение художественной литературы. Я все это описал в романах «Почтовая рыба», «sBO-боДА», «Враждебный портной». Скажу больше, роман «Почтовая рыба» (на обложке моя большая фотография) продавался в книжном киоске Совета Федерации, но это не вызвало ни у кого ни малейшего интереса. Российская власть – особый мир, он ждет своего вдумчивого исследователя.

М. С.: С 2001 года вы являетесь главным редактором «Роман-газеты». Редактор литературного журнала XXI века – какой он? С какими трудностями сталкиваетесь?

Ю. К.: Главная трудность – безденежье, непрерывный рост цен на бумагу, типографские услуги и аренду, смущение перед авторами, которым мы сейчас не платим гонорары. Тем не менее мы в редакции следуем древнеримскому правилу, что «плавать по морям (книжным) необходимо». Журнал – часть нашей жизни, и мы будем продолжать свое дело. И пусть будет, что будет.

М. С.: Назовите современных писателей, публицистов, критиков, наиболее созвучных вам мировоззренчески и художественно.

Ю. К.: Мне нравится, как пишут Александр Проханов, Станислав Куняев, Александр Казинцев, Лидия Сычева, Светлана Замлелова, Евгений Шишкин, Владимир Бондаренко, другие авторы «Нашего современника», «Москвы», газеты «Завтра». Прекрасные прозаики – Юрий Поляков, Владимир Личутин. Из молодых я бы отметил Андрея Антипина из Забайкалья, Юрия Лунина, Елену Тулушеву, Станислава Смагина. Системно, в лучших традициях русской критики работает Юрий Павлов. Жаль только, что силы единомышленников разобщены – это показал последний съезд Союза писателей России. В принципе, повестка дня для национально ориентированной литературной среды сформулирована. Дело за малым – убедить общество ее принять.

М. С.: Что, кроме работы и творчества, наполняет вашу жизнь?

Ю. К.: Я люблю путешествовать, видеть новые места, находить для себя новые занятия. Правда, большей частью они все равно связаны с литературой. Сейчас, к примеру, я пишу серию эссе о разных писателях в газету «Вечерняя Москва». Вообще же, жизнь современного человека так устроена, что из важного и нужного он не успевает сделать гораздо больше, чем успевает. Я мечтаю освоить разные компьютерные технологии, научиться легко управляться со смартфоном. Но это не так-то просто. И, конечно же, хочется лучше понимать нашу православную церковь. Граница разделения на либералов и патриотов проходит в том числе и по их отношению к православной религии. После Достоевского писатели этой темой не занимаются, а между тем она могла бы объяснить многое из того, что народ никак не может понять.

М. С.: «Русская воля, – подумал Обьёмов, – это провидение, которое есть промысел Божий. Провидение – вне логики, вне математического и любого другого анализа и расчета. В этом загадка России, которую никто не может разгадать. Россия – единая и неделимая часть провидения». Насколько эти слова вашего героя созвучны писателю Юрию Козлову?

Ю. К.: С одной стороны, так. С другой, нельзя бесконечно надеяться, что Господь все за нас управит, вспоминать слова фельдмаршала Миниха, что Россия напрямую управляется Господом Богом, потому что иначе объяснить существование этой страны невозможно. Речь сегодня идет о выживании и сохранении русского этноса. Отступать дальше некуда. Мало констатировать беду. Пришло время проявить волю и мужество. Все в мире начинается со Слова. Пора его произнести.

Редакция журнала поздравляет Юрия Козлова с юбилеем. Желает здоровья, крепости духа, новых творческих свершений на редакторском и писательском поприще во благо России! ■